

УДК 821.161.1-1(Бунин И. А.)+811.161.1'373.31. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-67-76.
 ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,45+Ш141.12-316.
 ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Селеменова О. А.

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0488-8428>

SPIN-код: 4731-7091

А н н о т а ц и я . В статье поднимается вопрос своеобразия топонимикона поэзии И. А. Бунина. Представленный обзор лингвистических исследований, посвященных ономастическому коду писателя, наглядно показывает, что данный вопрос представляет собой лауну в изучении лексического уровня его художественных текстов. Предмет исследования составляют топонимы, функционирующие в стихотворениях 1888–1952 гг. Цель работы – таксономия единиц бунинского топонимикона на основе предметно-денотативного признака и выявление особенностей их внутритекстового взаимодействия. При систематизации и интерпретации материала использовались межотраслевые методы и методы ономастических исследований: описательный, сопоставительный, этимологический, лингвостатистический, контекстологического анализа. Анализ авторской картотеки примеров позволяет заключить, что топонимикон Бунина-поэта представлен двумя секторами – реальным и мифологическим. К реальному относятся имена существующих или существовавших в какой-либо исторический период географических объектов (*Атмейдан, Египет, Каир, Иудея, Трапезонд, Этна, Ява* и др.); а к мифологическому – вымышленных (*Алатырь, Атлантида, Буян, Ирем, Ковсерь* и др.), встречающихся в архаических мифах, произведениях фольклора и религиозных текстах. Отмечены стремление писателя к совершенствованию звуковой стороны организации поэтической речи и изменение графико-фонетического облика топонимов, присутствие окказиональных единиц, создание устойчивых контекстуально-ассоциативных связей топонимов друг с другом. Установлено, что на уровне микро- и макроконтэкстов топонимы обоих секторов связаны разными типами отношений: сходства, контраста, «композиционной схемы», соположения, отношениями эмпирических ассоциаций. Автор приходит к выводу, что бунинский топонимикон организован как континуум, в котором реальные и мифологические имена тесно связаны друг с другом благодаря реализации внутритекстуальных и интертекстуальных связей, взаимодействию экстралингвистического и лингвистического контекстов. Полученные результаты и сделанные выводы могут использоваться в вузовской и школьной практике при выполнении филологического анализа текста, чтении спецкурсов по проблемам литературной ономастики, лингво-поэтики, языковой личности писателя, а также в современной лексикографической практике при создании ономастического словаря художественного наследия И. А. Бунина.

К л ю ч е в ы е с л о в а : поэзия И. А. Бунина; топоним; мифотопоним; таксономия; контекстуально-ассоциативные связи

Д л я ц и т и р о в а н и я : Селеменова, О. А. Топонимический континуум поэзии И. А. Бунина: лингвистический аспект / О. А. Селеменова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 67–76. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-67-76.

TOPONYMIC CONTINUUM OF I. A. BUNIN'S POETRY: A LINGUISTIC ASPECT

Olga A. Selemeneva

Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0488-8428>

A b s t r a c t . The article raises the question of the unique nature of the toponymic system of I. A. Bunin's poetry. The presented review of linguistic studies, dealing with the onomastic code of the writer, clearly shows that this issue is an unfilled lacuna in the study of the lexical level of his works of fiction. The object of the study comprises the toponyms functioning in the poems of 1888–1952. The aim of this study is to describe the taxonomy of the toponymic system based on the object-denotative feature and to identify the peculiarities of their intra-textual interaction. Intersectoral methods and methods of onomasiological research were used in the article to systematize and interpret the material: descriptive, comparative, etymological, linguostatistical, contextual and component analyses. The analysis of the author's card index of examples allows concluding that Bunin's toponymic system is represented by two sectors – the real sector and the mythological sector. The real sector includes the names of existing geographical objects or geographical objects of the past (*Atmeidan, Egypt, Cairo, Judea, Trapezond, Etna, Java*, etc.). The fictional names (*Alatyr, Atlantis, Buyan, Irem, Kovseri*, etc.) that appear in archaic myths, folklore, and religious texts belong to the mythological sector. The study highlights the writer's desire to improve the auditory aspect of poetic speech organization, certain changes in the graphic and phonetic composition of toponyms, the presence of occasional units, and the creation of stable contextual-associative links between the toponyms. It has been found that at the level of micro- and macro-contexts, the toponyms of both sectors are connected by different types of relations: similarity, contrast, "composition scheme", juxtaposition and relations of empirical associations. The author concludes that Bunin's toponymic system is organized as a continuum in which real and mythological names are closely related to each other due to the realization of intra-textual and intertextual connections and the interaction between extralinguistic and linguistic contexts. The obtained results and the conclusions drawn can be used in university and school practice in the philological text analysis, in courses on the problems of literary onomastics, linguopoetics and linguistic personality of writers as well as in modern lexicographical practice when creating an onomastic dictionary of Bunin's literary heritage.

K e y w o r d s : I. A. Bunin's poetry; toponym; mythotoponym; taxonomy; contextual-associative connections

For citation: Selemeneva, O. A. (2025). Toponymic Continuum of I. A. Bunin's Poetry: A Linguistic Aspect. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 2, pp. 67–76. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-67-76.

Введение

В ряду писателей начала XX в. И. А. Бунин занимает особое место. В отечественную, а потом и мировую литературу он вошел, по словам польского русиста И. Смирнова, «мучаясь сомнениями и терзаниями», сублимируя в художественных текстах собственные ощущения и «подкрепляя их писательским талантом и блестящим владением русским языком» [Смирнов 2022: 7–8].

Примерно с конца 60-х – начала 70-х гг. XX в. это мастерство изобразительного слова и обеспечило регулярное обращение отечественных и зарубежных ученых к произведениям И. А. Бунина как объекту лингвистического исследования. Бунинский язык стал исследовательской детерминантой почти 200 диссертаций, более 1500 научных статей и тезисов, о чем наглядно свидетельствует библиографический указатель «Лингвисты о языке И. А. Бунина», подготовленный проф. Р. И. Хашимовым и доц. У. И. Турко в Елецком государственном университете им. И. А. Бунина в 2020 г.¹

Учеными уже поднимались вопросы структурно-композиционных особенностей, фоники и орфоэпии Мастера, применения определенных словообразовательных техник, специфики функционирования отдельных частей речи, роли константных лексических и фразеологических единиц, оригинальности стилистических приемов и образных средств, своеобразия синтаксиса и лингвистики индивидуально-авторского нарратива. Очевидно, что абсолютно все уровни бунинских поэтических и прозаических текстов – фонетический, лексический, морфологический, синтаксический – вызывают научный интерес, однако наиболее значимым все же остается лексический уровень. Ведь он «позволяет репрезентировать и акцентировать ключевые вехи» в смысловом развертывании произведения, «актуализировать ценностные смыслы» в тексте как основной форме коммуникации и единице культуры [Болотнова 2019: 21].

Среди работ, связанных с описанием непосредственно лексического уровня бунинской поэзии и прозы, выделяется значительная по объему группа, посвященная индивидуально-авторскому ономастикону. Обзор таких исследований – около 60 единиц² – был выполнен и представлен нами в [Селеменова 2022: 4–14]. Имена собственные в текстах Бунина-художника рассматриваются с позиций самых разных направлений – литературной ономастики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвокраеведения, лингвистики сверхтекста, семиотики, прагматики, транслато-

логии – и утверждаются в качестве инструмента «порождения и конденсации разнообразных смыслов» [Фомин 2004: 111].

Топонимия И. А. Бунина в лингвистических исследованиях

Состав ономастикона прозаических и поэтических произведений И. А. Бунина формируют различные разряды проприальной лексики. Например, С. М. Пронченко в поэзии И. А. Бунина выделяет 18 подгрупп имен собственных: агнионимы, антропонимы, астронимы, геортонимы, зоонимы, космонимы, мифонимы, порейонимы, прагматонимы, фитонимы и др. [Пронченко 2015: 262–263]. Однако следует признать, что изучаются разные разряды онимов Бунина-художника неравномерно. Основной акцент делается на антропонимах, что объясняется «принципиальной антропоцентричностью» любого художественного текста в целом и ведущим характером литературной антропонимии среди направлений современной литературной ономастики [Фомин 2004: 116].

Топонимическая лексика, используемая писателем, вовлекается в фокус лингвистических исследований пока эпизодически. Наиболее крупной работой в области бунинской топонимики до сих пор остается монография Т. В. Красновой 2005 г., в которой интерпретировано «понятие Бунинской России» посредством историко-лингвистического анализа около 400 топонимов в прозе писателя [Краснова 2005: 13]. Ученый приходит к выводу, что каждый введенный И. А. Буниным топоним служит средством конкретизации места и придает тексту «своеобразную документальность» [Там же: 5].

Немногочисленные же научные статьи затрагивают частные вопросы бунинской топонимики: вербализация концептосфер «пространство» и «пейзаж» в языковой картине мира писателя; функциональный потенциал отдельных топонимов или их групп в плане выражения авторских интенций и категории оценки; роль топонимов в организации нарратива, создании локальных сверхтекстов; перевод топонимической лексики на иностранные языки.

Например, С. М. Мацкевич названия арабских городов *Арим*, *Газа*, *Мекка* анализирует в кругу средств вербализации концепта «Восток» в бунинском цикле «Ислам» [Мацкевич 2014: 64]; а Ло Сычэнь в цикле очерков «Тень птицы» функционирование топонимов *Иудейская пустыня* и *долина Иордана* в едином контексте с апелляциями *горы*, *хребет*, *дым* и др. рассматривает в качестве свидетельства взаимодействия в художественном сознании И. А. Бунина концепта «Горы» с концептом «Религия» [Ло Сычэнь 2022: 130].

О. В. Четверикова и В. Г. Иванова обращаются к функционально-семантическим особенностям гидронимов стихотворений И. А. Бунина, в значениях которых аккумулируется индивидуально-авторское мировосприятие [Четверикова 2018: 275].

¹ Лингвисты о языке И. А. Бунина: библиографический указатель / составители У. И. Турко, Р. И. Хашимов; отв. ред. Р. И. Хашимов. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2020. 203 с.

² Приведенный в монографии перечень, безусловно, не претендует на исчерпывающий характер, поскольку каждый год появляются новые исследования бунинского ономастикона.

О. Б. Саркисян и М. А. Дубова видят в ойкониме *Суходол*, насчитывающим 73 употребления в одноименной бунинской повести, единицу создания того расширенного физико-ментального пространства, которое метафорически связано с историей «оскудения и вымирания» целого сословия в России [Саркисян 2022: 279].

П. С. Потехина реконструирует часть «восточного» топонимикона Бунина-прозаика, указывая на его универсальность, детализированность, масштабность, вневременной характер [Потехина 2023: 3177].

Мифотопонимии бунинской прозы и поэзии посвящена и одна из наших статей, в которой функциональный потенциал простых и составных мифотопонимов типа *Долина Огненная*, *Пятиградие*, *Джиннат*, *Эдем* и некоторых других обусловлен типом организации художественной речи [Селеменова 2023: 73].

Е. А. Попова рассматривает ойконим *Елец* в ряду репрезентантов Елецкого текста в произведениях И. А. Бунина [Попова 2019: 272].

Отдельные ойконимы, урбанонимы и гидронимы типа *Волга*, *Витебск*, *Москва*, *Николаевский вокзал* как пример безэквивалентной лексики при переводе произведений И. А. Бунина на немецкий язык упоминаются в кандидатской диссертации А. А. Заборовской [2003: 12–13].

Таким образом, малоизученность топонимии художественного наследия И. А. Бунина в отечественной лингвистике стала одной из причин нашего обращения к теме статьи. В числе других можно указать несомненную важность работы по систематизации бунинского ономастикона, что позволит не только лучше понять особенности индивидуально-авторского стиля, но и подготовит почву для дальнейшей лексикографической обработки наследия И. А. Бунина и создания первого ономастического словаря его сочинений.¹ Наконец, в 2025 году мировая общественность отпразднует 155-летие со дня рождения этого «священнослужителя слова» (А. К. Бабореко)², внесшего значительный вклад в развитие русского литературного языка.

Цель нашего исследования состоит в выявле-

нии единиц бунинского топонимикона, их таксономии на основе предметно-денотативного признака, установлении особенностей внутритекстового взаимодействия.

Объектом анализа выступают стихотворения И. А. Бунина 1888–1952 гг., вошедшие в первый том собрания сочинений И. А. Бунина 1987 г., составленного А. К. Бабореко³; верификация текстов осуществлялась по научному изданию лирики И. А. Бунина 2014 г. под редакцией Т. М. Двинятиной⁴. Выбор именно поэзии И. А. Бунина в качестве объекта изучения определяется тем, что любой оним, попадая в небольшое по объему лирическое пространство, актуализирует такие ассоциативные связи и смыслы, которые часто «не свойственны “прозаическому” авторскому сознанию» [Четверикова 2007: 150].

Всего было проанализировано около 700 лирических текстов. Из них методом сплошной выборки извлечен 151 топоним (без учета повторений в контекстах), сформировавший авторскую картолеку примеров.

При систематизации и интерпретации материала использовались межотраслевые методы и методы ономастических исследований: описательный, сопоставительный и этимологический методы, а также лингвостатистический метод и метод контекстологического анализа.

Реальный сектор поэтического топонимикона И. А. Бунина

Топонимикон поэзии И. А. Бунина сформирован двумя секторами – реальным (90,7% авторской картотеки примеров) и мифологическим (9,3%).

К реальному сектору относятся собственные имена природных или созданных человеком географических объектов, которые либо существовали в прошлом, либо существуют в настоящем. В бунинской лирике они представлены

1) названиями городов (36,5%⁵): астионимы типа *Загреб* (1⁶) («город близ р. Савы, правого притока Дуная, с 1886 г. находился в составе Австро-Венгрии, с 1918 г. – Королевства сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. – Югославии, с 1991 г. – столица Хорватии»), *Сидней* (1) («город на южном берегу бух-

¹ На данный момент словарный состав языка Бунина-художника представлен лишь несколькими аспектными словарями, среди которых ономастического словаря так и нет: «Словарь эпитетов Ивана Бунина» (Елец, 2006) и «Словарь эпитетов Ивана Бунина: Ок. 100 000 словоупотреблений» (Москва, 2008) В. В. Краснянского; «Словарь народного языка произведений И. А. Бунина» (Елец, 2006 (1-е изд.); Елец, 2012 (2-е изд., перераб. и доп.); Елец, 2015 (3-е изд., испр. и доп.)) И. М. Курносовой; «Фразеологический словарь языка И. А. Бунина» (Елец, 2011) А. И. Васильева; «Частотный словарь рассказов И. А. Бунина» (Санкт-Петербург, 2012) А. О. Гребенникова; «Словарь языка поэзии Ивана Бунина» (Елец, 2010–2015 (1-е изд.); Москва, 2015 (2-е изд.)) Г. С. Журавлевой и Р. И. Хашимова; «Словарь лексических трудностей поздних рассказов И. А. Бунина» (Елец, 2014) Н. А. Трубициной.

² См.: Бабореко А. К. Бунин. Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 457 с. URL: <https://www.rulit.me/books/buninzhizneopisanie-read-283630-123.html> (дата обращения: 12.04.2024).

³ Бунин И. А. Собрание сочинений в 6-ти. Т. 1. Стихотворения, 1888–1952; Переводы / сост., подг. текста и коммент. А. Бабореко. М.: Художественная литература, 1987. 687 с.

⁴ Ссылки в тексте даются по научному изданию лирики, включенному в Список литературы.

⁵ От выборки всех топонимов реального сектора.

⁶ Здесь и далее по тексту данные о частотности топонимов в лирике И. А. Бунина приводятся с использованием поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), в который включено 767 поэтических текстов И. А. Бунина (80276 слов). См.: НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.06.2025).

⁷ Здесь и далее для формулирования дефиниций топонимов реального сектора использовались следующие словари и энциклопедии: Боднарский М. С. Словарь географических названий. М.: Учпедгиз, 1954. 368 с.; Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 1456 с.; Большая российская энциклопедия, 2004–2017. Электронная версия. URL: <https://old.bigenc.ru/> (дата обращения: 08.07.2024);

ты Порт-Джесон Тихого океана, самый старый город Австралии), Ярославль (1) ('старейший из русских городов, основанный в XI в. на р. Волге') и др. Например: «*На пути из Назарета / Встретил я святую деву*» [Бунин 2014, т. 2: 84]; «...Долга / Ночь зимою в Полоцке...» [Там же: 125];

2) названиями океанов, морей и их частей, рек и озер (15,3%): гидронимы типа Каспий (1) ('реликтовый морской бассейн, величайшее озеро на земле'), Индийский океан (1) ('один из четырех океанов земного шара, третий по величине'), Днепр (4) ('четвертая по длине река Европы после Волги, Дуная и Урала') и др. Например: «*Сижу один, тоскуя, удверей, / В зеркально-красном свете Мензалаэ*» [Там же: 261]; «*За Мертвым морем – пепельные грани / Чуть видных гор*» [Там же: 60];

3) названиями островов (4,4%): инсулонимы типа Капри (3) ('остров в Тирренском море, входящий в состав итальянской провинции Неаполь в регионе Кампания'), Патмос (1) ('греческий остров на юго-востоке Эгейского моря'), Суматра (1) ('самый западный из островов в группе Больших Зондских островов') и др. Например: «*В мире только старик рыболов, / Да сиреневый остров Капрея...*» [Там же: 254]; «*Я, Иоанн, ваш брат и соучастник / В скорбях и царстве господя, был изгнал / На Патмос за свидетельство Христа*» [Бунин 2014, т. 1: 298];

4) названиями геоморфологических объектов, преимущественно гор и вулканов (13,9%): оронимы типа Альпы (3) ('обширнейшая из складчатых горных систем Западной Европы'), Везувий (2) ('действующий вулкан, расположенный на берегу Неаполитанского залива близ Неаполя'), Этна (1) ('действующий вулкан на северо-востоке о. Сицилия') и др. Например: «*На Альпы к сумеркам нисходят облака*» [Бунин 2014, т. 2: 132]; «*И величаво-одинок / На звездном небе конус Этны...*» [Там же: 68];

5) названиями площадей, зданий, улиц (9,5%): урбанонимы типа Атмейдан (1) ('площадь в Стамбуле, где в древности находился Византийский ипподром'), Плющиха (1) ('улица в Центральном административном округе Москвы, граничащая на севере со Смоленской улицей, на юге – с Клинической улицей¹ (до 1965 г., теперь – улицей Еланского)'), Айя-София / София (3) ('христианский храм, построенный в Константинополе в 532–537 гг., с 1453 г. после завоевания турками – культовое сооружение исламского мира, с 1934 г. – музей в историческом центре Стамбула, а с 10 июля 2020 г. – снова мечеть, открытая для мусульманских богослужений') и др. Например: «*В святой Софии голуби летали, / Гнусил мулла*» [Там же: 59];

Большой энциклопедический словарь, 2000. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (дата обращения: 12.06.2024); Encyclopædia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 05.07.2024).

При отсутствии топонима в словарях привлекались материалы путеводителей: Путеводитель по Стамбулу. URL: <https://stambulyou.ru/2009/10/around-stambul-eminonu-at-meydani/> (дата обращения: 12.06.2024); Aksaray Belediyesi. URL: <https://www.aksaray.bel.tr/> (дата обращения: 07.07.2024).

¹ Сытин П. В. Из истории московских улиц. Очерки. М.: Московский рабочий, 1958. С. 570.

«*И пуст Сераль, и смолк его фонтан, / И высохли столетние деревья...*» [Бунин 2014, т. 1: 311];

6) названиями природных, исторических, административных территорий, имеющих определенные границы (20,4%): хоронимы типа Сибирь (1) ('географический регион России, простирающийся от Уральских гор к востоку до побережья Тихого океана'), Иудея (2) ('историческая область, римская провинция в Южной Палестине'), Испания (1) ('трансконтинентальное государство в Юго-Западной Европе, имеющее часть территорий в Африке') и др. Например: «*На диких берегах Бретани / Бушуют зимние ветры*» [Бунин 2014, т. 2: 252]; «*Проклят тот, кто угас / Для молитвы и битв, – кто для жизни не дышит, / Как бесплодный Геджас*» [Там же: 9].

В реальном секторе топонимикона Бунина-поэта наиболее разнообразно представлены названия городов, – 50 номинаций. На художественной топонимической карте писателя присутствуют города Южной, Восточной и Юго-Восточной Европы, Северной и Передней Азии, Австралии и т. д.: Венеция (4), Киев (3), Москва (6), Неаполь (1), Одесса (1), Оренбург (1), Патрас (1), Полоцк (3), Рим (1), Тифлис (2) и др. При этом денотатами 58% астионимов (29 примеров авторской картотеки) выступают населенные пункты стран Ближнего Востока на территориях Израиля (Иерусалим (2), Назарет (6) и др.), Турции (Ак-Сарай (1), Стамбул (5), Трапезонд (1) и др.), Палестины (Вифлеем (1), Газа (2) и др.), Египта (Каир (4), Мемфис (1), Гизех (1) и др.), Саудовской Аравии (Медина (1), Мекка (1)), Сирии (Дамаск (1)), Ливана (Баальбек (1)), Южной Месопотамии (Вавилон (2), Сиптар (1)). Например: «*От Али / До пирамид, среди долин, в пыли, / Лежит Каир*» [Там же: 50]; «*Мы не рады, / Когда вступает пыльный караван / В святой Дамаск...*» [Там же: 93] и др. Несомненно, что на появление таких имен восточных городов в художественном инструментарии И. А. Бунина повлияли экстралингвистические факторы: неоднократные путешествия писателя по странам Дальнего Востока и Южной Азии, Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока (1903 г., 1907–1909 гг., 1911 г.), вдумчивое чтение канонических текстов религиозно-философских учений индуизма, христианства, буддизма, зороастризма, ислама (Библия, Коран, Сутта-Нипата, Ригведа и др.), интерес к мифологическим системам Древнего Египта, Сирии, Ирана, Индии и иных стран. Однако отметим, что, следуя европейским традициям, И. А. Бунин отдает предпочтение эллинизированным формам древнеегипетских, ханаанских, турецких названий городов. Например, в стихотворении 1907 г. «Гермон» греческое *Геннисарет* (2) (др.-греч. Γεννησαρέτ) используется вместо ханаанского *Киннэрет*, а в синодальном переводе Книги Иисуса Навина – *Хиннерет* или *Хиннарэф*²: «*В скалистых недрах спит Геннисарет ...*» [Там же: 33].

² Киннерет // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/land-of-israel/geography/12078/> (дата обращения: 03.05.2024); Библия. Ветхий Завет. Книги исторические. Иисуса Навина, глава 19 // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Nav.19&t> (дата обращения: 03.05.2024).

А в стихотворении 1907 г. «Рыбацкая» греческое *Трапезонд* (1) (греч. *Τραπεζοῦς*, род. п. *Τραπεζοῦτος*), этимологически восходящее к др.-греч. слову *трапеза* и указывающее на плосковершинность окружающих гор (появление словообразовательного элемента *зунд / сунд* в значении 'пролив' обусловливают влиянием немецкого, скандинавских языков¹), вводится вместо турецкого *Трабзон*: «Осенью не весел **Трапезонд!**» [Там же: 48].

В реальном секторе поэтического топонимикона И. А. Бунина отмечены топонимы из тюркских (турецкий, крымско-татарский), семитских (арабский, древнееврейский), иранских (персидский), а также кельтских (ирландский), романских (французский, итальянский), германских (немецкий), австронезийских (индонезийский) языков: *Алагалла* (2), *Геджас* (2), *Зильбергорн* (1), *Мозреб* (1), *Моав* (1), *Оберланд* (1), *Ранна* (1) и др. Например, в стихотворении 1907 г. «Дия» упомянут пелагоническое название моря *Ак-Дениз* (2), который этимологически восходит к тур. *Akdeniz*, т. е. «Белое море»². В древних культурах Передней Азии «Белым морем» называли Эгейское море, что отражало систему цветовой символики при обозначении сторон горизонта, в которой запад как раз определялся белым цветом³. Эта традиционная цветовая символика присутствует и в бунинском тексте: топоним вступает в синтагматическую связь с признаковой лексемой *светлом*, которая в свою очередь распространяется наречием *безгранично* в переносном значении 'в высшей степени, очень, чрезмерно': «*Штиль в безгранично светлом Ак-Денизе. / Зацвел миндаль. В ауле тишина / И теплый блеск*» [Там же: 47]. А вот в стихотворении «Призрак Одина» 1903 г. И. А. Бунин использует хороним *Лохлин* (3) (от ирланд. *Lochlainn*, *Лохланн*, а у валлийских кельтов – *Лвихлин*, 'страна озер'⁴) – кельтское название Скандинавии, за счет чего образ владыки Асгарда Одина, бога-воина и бога-колдуна, органично вписывается в окружающее пространство, с одной стороны – вполне реальное, географическое, с другой – фантастическое: «*А взмахнет / Ветер морской – и в туманах Лохлина / Шлем золоченый блеснет!*» [Бунин 2014, т. 1: 264].

В поэтических текстах И. А. Бунина происходят изменения графико-фонетического облика топонимов, зафиксированных в словарях, справочниках, энциклопедиях: *Чатырда́х* (1) ← *Чатырда́г*, *Катане́я* (1⁵) ← *Катаня́*, *Рамлэ́* (1) ← *Рамла́* и др. Подобное явление объясняется тем, что писатель находился в постоянном поиске звуков, определенных их сочетаний в вокалических моделях для установления благозвучия стихотворений. Причем

отмечены и случаи одновременного функционирования графико-фонетических вариантов. Например, варианты *Чатырдаг* и *Чатырдах*, именующие горный массив с платообразной двухъярусной вершиной, расположенный в южной части Крымского полуострова, встречаются соответственно в стихотворении 1901 г. «Чатырдаг» и стихотворении 1916 г. «Земной, чужой душе закят!». Ср.: «*Склоняюсь с трепетом к стопам твоей твердыни, / Великий Чатырдаг, могучий хан Яйлы!*» [Там же: 22] – «*Чужой, тяжелый Чатырдах! / Звезда мелькает золотая / В зеленом небе, в облаках, – / Кому горит она, блистая?*» [Бунин 2014, т. 2: 246]. Во втором примере топоним *Чатырдах* благодаря мене конечного *г* на *х* участвует в организации метрической и рифмической структуры строфы.

Мифологический сектор топонимикона Бунина-поэта

Мифологический сектор топонимикона в поэзии И. А. Бунина сформирован мифоастонимами (21,4%⁶), мифохоронимами (36%), мифоинсулонами (14,2%), мифопотамонами (14,2%) и мифооронимами (14,2%), иными словами, названиями вымышленных городов, островов, областей, рек и горных вершин. Например: *Ирем* (1) (мифоастоним, называющий в мусульманской мифологии город, построенный царем Шаддадом в подражание раю в Южной Аравии и уничтоженный аллахом:⁷ «*Сад в эту ночь – как сад Ирема. / И сладострастна, и бледна, / Как в шахнизир, тайник гарема, / В узор ветвей глядит луна*» [Там же: 28]); *Ковсерь* (3) (мифогидроним, которым в 108 суре Корана названа река в райских садах, дарованная аллахом среди множества благ пророку Мухаммеду:⁸ «*А там течет, там льется за туманом / Река всех рек, лазурная Ковсерь...*» [Бунин 2014, т. 1: 274]); *Буян* (2) (мифоинсулоним, в русских сказках и заговорах остров «за морем», наделяющийся фантастическими чертами потустороннего мира⁹: «*Окружен со всех с четырех сторон / Темной осенью островок Буян*» [Бунин 2014, т. 2: 43]) и др.

Этимологически единицы, входящие в мифологический сектор бунинского топонимикона, восходят к славянским языкам, некоторым семитским (арабский, иврит и его древняя форма – древнееврейский), а также древнегреческому языку: *Содом* (1) от др.-евр. *סֹדֹם*, *Sēdōm* («горящий»), имя древнего города в долине Сиддим, жители которого навлекли на себя гнев Божий за распутство и нечестивость¹⁰; *Атлантида* (1) от др.-греч. *Ἀτλαντίς* называет известный по платоновскому тексту мифический остров с неопределен-

¹ Поспелов Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь. Около 5000 единиц. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2002. С. 421.

² Там же. С. 478.

³ Там же.

⁴ Кельтская мифология. Энциклопедия / пер. с англ. С. Головой, А. Голова. М.: ЭКСМО, 2002. С. 246.

⁵ В НКРЯ топоним не обнаружен, но в нашей картотеке примеров 1 словоупотребление – в стихотворении 1909 г. «После Мессинского землетрясения».

⁶ От общего числа мифотопонимов, зафиксированных в поэзии И. А. Бунина.

⁷ Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 253.

⁸ Сура 108. Обильный (аль-Каусар) // Энциклопедия хадисов. URL: <https://hadis.uk/sura-108-obilynij-al-kausar/43416/> (дата обращения: 24.02.2024).

⁹ Мифологический словарь. С. 107.

¹⁰ Библиейская энциклопедия. М.: ЛОКИД-ПРЕСС, РИПОЛ классик, 2005. С. 609.

ным географическим положением, именно на нем находилась одна из могучих держав древности¹; *Сакар* (1) от араб. *ас-Сакар* («обжигающий», восходит к глаголу *сакар* – «расплавлять») именуется пятой из семи ступеней магометанского ада² и др. Например: «...Как некогда в **Содоме**, величают / Они свой грех» [Бунин 2014, т. 1: 410] (мифоастионим *Содом* как место греха, которому И. А. Бунин уподобляет в стихотворении 1918 г. «Из книги пророка Исаии» новую Россию); «...Велят они вставить в те страны, в те моря, / Где только бы тогда я кинул якоря, / Когда б заветную увидел **Атлантиду**» [Там же: 256] (здесь мифоинсулоним *Атлантида*, символизируя мистическое будущее, которое может родиться из «золотого века» прошлого, связан с мотивом памяти) и др.

Встречаются в бунинском топонимиконе мифологические топонимы с непрямым этимологией. Например, мифопетроним *Алатырь* (3), именуемый чудодейственным орографический объект (камень) в восточнославянском фольклоре, упоминается в стихотворении «Святогор» 1913 г.: «В чистом поле, у камня **Алатыря**, / Будит конь Святогора-богатыря...» [Бунин 2014, т. 2: 95]. «Тайну Алатыря этимологи пытаются разгадать с XIX в.», – отмечают Т. А. Агапкина, Е. Л. Березович и О. Д. Сурикова [Агапкина 2020: 15]. Действительно, тот же М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка» приводил несколько точек зрения происхождения лексемы со ссылкой на И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. И. Соболевского и др. (от лат. *altare*, др.-исл. *altarbsteinn*, из прилаг. **латыгорь* и др.), но все их отверг³. Сейчас одной из самых вероятных, хотя и находящихся свои формальные трудности, считается точка зрения Р. А. Агеева, сблизившего *Алатырь* с *алтарем* (< лат. *altare*) [Там же].

В состав мифологического топонимикона входят у Бунина-поэта сложные двух- и трехкомпонентные образования: мифопотамоним *Алмазная Река* (1) (в стихотворении 1906 г. «Ночь Аль-Кафра» так именуется небесная река, протекающая перед Великим Троном), мифоороним *Долина Смерти и Огня* (1) (в стихотворении 1916 г. «Молчание» мифотопоним называет опустошенную гневом Господа долину), мифоастионим *Небесный Град* (1) (в стихотворении «Древний образ» 1914 г. называет место вечного счастья, райского блаженства). Например: «За нею кипарисы на холмах, / **Небесный Град**, лепящийся к утесу [Бунин 2014, т. 2: 106]; «По раскаленному ущелью, / **Долиной Смерти и Огня**, / В нагую каменную келью / Пустынный Ангел ввел меня» [Там же: 246]; «Перед Великим Троном / Уже

течет, дымясь, **Алмазная Река**» [Там же: 8].

Сложные по структуре мифотопонимы представляют собой результат онимизации апеллятивов и прилагательных и принадлежат исключительно индивидуально-авторской картине мира Бунина-художника, не обнаруживая соответствий в картинах мирах иных отечественных писателей, о чем свидетельствуют данные НКРЯ⁴. Индивидуально-авторские мифотопонимы становятся теми средствами ономастикона Бунина-художника, которые отвечают за экспликацию членов диады «жизнь – смерть», «бытие – небытие», интерпретируемой писателем как кольцо, в котором небытие становится лишь иной формой бытия.

Данные НКРЯ и нашей авторской картотеки примеров позволяют заключить, что бунинский топонимикон отличается качественным разнообразием, поскольку в него входят разные подгруппы имен по предметно-денотативному признаку: астионимы и мифоастионимы, потамонимы и мифопотамонимы, оронимы и мифооронимы, инсулонимы и мифоинсулонимы, ойконимы, урбанонимы и др. Однако в количественном плане лишь единицы *Нил* и *Рай* характеризуются высокой частотностью: 16 словоупотреблений в 9 текстах и 15 словоупотреблений в 14 стихотворениях соответственно.

Контекстуально-ассоциативные связи единиц топонимикона Бунина-поэта

В лирике И. А. Бунина топонимы и мифотопонимы служат средством аккумуляции и транслирования содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации посредством установления разных типов контекстуально-ассоциативных отношений между единицами на уровне микро- (одного стихотворения) или макроконтраста (нескольких стихотворений).

Прежде всего внутритекстовые связи представлены отношениями сходства топонимов и отношениями контраста (контекстуальная синонимия и антонимия). В отношении контекстуальной синонимии вступают оронимы (*Чатырдаг* (1) / *Чатырдах* (1) – *Шатер-Гора* (1)), астионимы (*Иерусалим* (2) – *Сион* (6), *Стамбул* (5) – *Царьград* (1)), кратонимы (*Древняя Греция* (1) – *Элада* (2)) и мифооронимы (*Джиннат* (2) – *Эдем* (4) – *Рай* (15); *Ад* (6) – *Сакар* (1)), а контекстуальной антонимии – мифооронимы (*Рай* (15) – *Ад* (6); *Джиннат* (2) – *Сакар* (1)). Например, в название стихотворения 1907 г. И. А. Бунин выносит топоним *Иерусалим*, а в самом тексте упоминается *Сион*. Обычно в качестве называемого онимом *Сион* объекта указывается самый южный из холмов, на котором был возведен Иерусалим и построен сначала дворец Соломона, а потом Ирода⁵. В статье «Художественные онимы в стихотворе-

¹ Древнегреческо-русский словарь: в 2-х т. Т. I. А–Л / под ред. И. С. Соболевского. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. С. 259; Рабинович Е. Г. Атлантида (контекст платоновского мифа) // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 67–84.

² Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. под ред. А. Н. Чудинова. СПб.: Издательство «Лань», 2003. С. 773.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. А–Д / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. С. 69.

⁴ НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.09.2024). Отметим, что, по данным НКРЯ, образ *небесного града* встречается у Е. Б. Рейна, Б. Ю. Поплавского и М. В. Ломоносова, однако как проприальная единица – сложный мифотопоним – сочетания не функционирует.

⁵ Никифоров (Бажанов). Библийская энциклопедия // Азбука веры.

нии И. А. Бунина «Иерусалим»» Н. А. Трубициной оном Сион как раз отнесен к оронимам, т. е. названиям выпуклых или вогнутых форм рельефа земной поверхности [Трубицина 2022: 52]. Однако трудно с этим согласиться. Ведь в стихотворении «Иерусалим» читаем: «Враг разрушил **Сион**. **Город** тлел и сгорал – / И пророк Иеремия собрал / Теплый прах, прах золы, в погасавшем огне / И рассеял его по стране...» [Бунин 2014, т. 2: 38]. Контекстуальная замена имени собственного апеллятивом *город*, употребление отонимного прилагательного *сионские* в сочетании с существительным *стены* («И сказал проводник: “Господин! Я еврей / И, быть может, потомок царей. / Погляди на цветы **по сионским стенам**: / Это все, что осталось нам”» [Там же]), что служит прямым указанием на историю Иевусейской крепости, тематическая и ситуативная связь лексем *Сион* и *город* со словами *Иудея*, *край отцов*, *страна* убеждают в том, что писатель здесь вовсе не делает отсылку только к холму и лексема *Сион* не функционирует в качестве оронима. Сион у Бунина-поэта – астионим, еще одно имя Иерусалима. И здесь писатель практически приближается к библейским пророкам, для которых Сион как раз и был олицетворением Иерусалима, а шире – всего Иудейского царства.¹ Таким образом, топонимы *Иерусалим* и *Сион* образуют двучленный ряд синонимов на уровне микроконтекста, т. е. в рамках одного стихотворения.

Контекстуальные синонимы возникают и на уровне макроконтекста бунинской лирики. В стихотворении 1903 г. «В крымских степях» встречается ороним *Шатер-Гора*, благодаря чему образуется синонимическая пара *Чатырдаг / Чатырдах* – *Шатер-Гора*: «Уж сумрак пал, как пепел сизый, / Как дым угасшего костра: / Лишь светится багряной ризой / Престол Алы – **Шатер-Гора**» [Бунин 2014, т. 1: 262]. Здесь Бунин-поэт использует прием калькирования: ведь этимология топонима *Чатырдаг* восходит к тюркским языкам – кр.-тат. *Çatır Dağ*, *Чатыр Дагъ*, где *çatır* – ‘шатер, палатка’² и *dağ* – ‘гора’³. Употребляя одно из имен бога у магометан и тут же вводя ороним-билексему, отсылающую к огромному каменному шатру в Крыму, Бунин-поэт подчеркивает величие Крымского полуострова. Таким образом, контекстуальные синонимы *Чатырдаг / Чатырдах* и *Шатер-Гора* наряду с топонимами *Алагалла*, *Альпы*, *Аппенины*, *Гермон*, *Синай*, *Хая-Баши*, *Эльбурс* и другими становятся средствами экспликации «горной» темы в бунинской художественной картине мира.

Если синонимические ряды зафиксированных в бунинской лирике имен реальных городов, гор, государств двучленны, то среди имен вымыш-

ленных объектов встречаются и трехчленные, например, *Джиннат* – *Эдем* – *Рай*: «И в знойный час, когда мираж зеркальный / Сольет весь мир в один великий сон, / В безбрежный блеск, за грань земли печальной, / В сады **Джиннат** уносит душу он» [Там же: 274]; «Рок отметил тебя. На земле ты была не жилища. / Красота лишь в **Эдеме** не знает запретных границ» [Бунин 2014, т. 2: 174]; «...И Человек вернулся к **Раю**, – все / Хотел забыть свой золотой он сон – / И Сатана, злорадно торжествуя, / Воздвиг на месте **Рая** – Вавилон» [Там же: 249]. Мифотопоним *Джиннат*, претерпевший в бунинских стихотворениях «Ковсерь» и «Черный камень Каабы» (<1903–1905>) графикофонетическую трансформацию (*Джиннат* ← *Джаннат*), этимологически восходит к лексеме *джанна* (мн. ч. – *джаннат*) из арабского языка (араб. *جَنَّة*) в значении ‘сад’. В исламской эсхатологии именем *Джаннат* обозначают ‘рай’, ‘обителице мира’, ‘сады благодати’⁴. Мифотопоним *Эдем*, встречающийся в стихотворениях «Цейлон» (1916 г.), «Благовестие о рождении Исаака» (1916 г.), «Эпитафия» (1917 г.) и «Сорвался вихрь, промчал из края в край...» (1917 г.), относят к др.-евр. *יָדֵן*, *Eden*, т. е. ‘наслаждение, радость’ и связывают с «невинным началом пути человечества».⁵ А вот мифотопоним *Рай* имеет неясную этимологию, но предположительно его возводят к общеславянскому заимствованию из индоиранского языка (ср. авест. *Ray* ‘богатство, счастье’, др.-инд. *rāy* – ‘сокровище, богатство’).⁶ *Рай* становится в христианстве местом вечного блаженства праведников. Лексема функционирует в стихотворениях «И шли века, и стены Рая пали...» (1916 г.), «Люцифер» (1908 г.). Ряд контекстуальных синонимов сопрягает у И. А. Бунина три линии разработки образа Рая: *Рай* – *город*, *Рай* – *сад* и *Рай* – *Цейлон*, *Рай* – *Ливан*. Две линии (*Рай* – *город*, *Рай* – *сад*) характерны для отечественной литературной, фольклорной и иконографической традиции, а вот третья (*Рай* – *Цейлон*, *Рай* – *Ливан*) как появление *Рая* географического – результат творческого поиска писателем общей прародины всего человечества на земле: «Вот **Рай**, **Ливан**. Рассвет горит багряно. / Снег гор – как шелк. По скатам из пещер / Текут стада. Влугах – моря тумана...» [Там же: 59].

Наряду с контекстуальной синонимией в группе мифотопонимов фиксируется контекстуальная антонимия. Мифотопонимы *Рай*, *Джиннат*, *Эдем* вступают в отношения условной антонимии с мифотопонимами *Ад*, *Сакар*. Эти единицы становятся репрезентантами правого и левого члена пространственно-онтологической культурносоздающей диады «Райское блаженство – адские мучения», пронизывающей не только поэзию

URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/3584> (дата обращения: 07.07.2024).

¹ Дрейер Л. М. Сион // Большая российская энциклопедия, 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/3665484?usclid=lzwlqfcp940c050512 (дата обращения: 24.07.2024).

² Абдуллаев Э. М., Умеров М. У. Русско-крымско-татарский учебный словарь. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое издательство, 1994. С. 219.

³ Там же. С. 77.

⁴ Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 1. А – К / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 373.

⁵ Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 2. К – Я / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 364.

⁶ Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971. С. 382.

И. А. Бунина, но и все знаковые мировые религиозно-философские тексты. Ср.: «И *Ад* / За нею шел, и власть у ней была / Над четвертью земли, да умерщвляет / Мечом и гладом, мором и зверьями» [Бунин 2014, т. 1: 297] (*Ад* как персонификация невыносимых мук и страданий грешников после смерти). – «Он драгоценной яшмой был когда-то, / Он был неизреченной белизны – / Как цвет садов блаженного *Джинната*, / Как горный снег в дни солнца и весны» [Там же: 274] (*сады Джиннат* как место вечного блаженства, подобное христианскому Раю).

Контекстуально-ассоциативная связь топонимов осуществляется благодаря реализации отношений, названных нами отношениями «композиционной схемы» и устанавливаемых между топонимами, денотаты которых читатель соотносит в качестве целого и составляющих частей единой структуры. На уровне макроконтеста такие отношения отмечены у астионимов с агоронимами, годонимами, ойкодомонимами и экклезионимами (*Стамбул* (5) – *Атмейдан* (1), *Сераль* (2), (святая) *София* (3); *Москва* (6) – *Арбат* (1), *Московский собор* (1) и др.); кратонимов с астионимами (*Египет* (2) – *Гизех* (1), *Каир* (4), *Мемфис* (1), *Фивы* (1); *Россия* (7) – *Москва* (6), *Ярославль* (1), *Оренбург* (1) и др.). Например: «Печален долгий вечер в октябре! / Любил я осень позднюю в *Росси*» [Бунин 2014, т. 2: 263]. – «*Москва* темна, глуха, пустынна, – поздно» [Там же: 157] (*Россия* ← *Москва*); «*Израиль*, чуждый всем, / Сбирал, рыдая, ржавые скрижали» [Там же: 59]. – «На пути из *Назарета* встретил я Святую Деву» [Там же: 84] (*Израиль* ← *Назарет*) и др.

Топонимы, связанные указанным типом отношений, помогают Бунину-поэту создавать художественные геокультурные образы стран и городов, отвечая за геочивилизационный и отчасти культурно-исторический компоненты таких образов. Так, астионим *Венеция*, вынесенный И. А. Буниным в название стихотворения 1913 г., сразу вписывает произведение в группу «венецианских текстов» отечественных и зарубежных писателей (Б. Ахмадулиной, Н. Гумилева, А. Блока, О. Мандельштама, М. Пруста, Д. Рескина и многих др.), создающих неоднозначный образ итальянского города. Благодаря появлению в самой сильной (начальной) позиции лирического текста и участию в осуществлении дистантной когезии (тождественный лексического повтора топонима в основном тексте) указанный астионим становится текстообразующей доминантой, с которой отношениями «композиционной схемы» связаны экклезионим *Марк* (2) (имеется в виду кафедральная базилика, в которую в 828 г. из Александрии Египетской были привезены мощи Марка-евангелиста, ставшего покровителем Венеции¹) и ойкодомоним *Дожей* (1) (Дворец дождей, резиденция дождей Венецианской республики, находящийся рядом с базиликой Святого Марка²): «В полдень, воз-

ле Марка... / Солнце, улыбаясь в светлой дымке, / Перламутром розовым слепило», «Солнце пригревало стены Дожей...» [Там же: 98–99].

Между топонимами, включенными писателем в параллельный ряд, члены которого связаны сочинительной связью, возникают отношения соположения. Они реализуются как внутри одной подгруппы топонимов (только названий городов, рек, островов), так и разных (одновременно имен городов, рек, морей, островов, форм рельефа и т. д.). Например: «У *Суматры*, у *Явы*, / В великом океане³... в зной и штиль» [Там же: 18]; «Ночей и звезд, прозрачно-серебривших / *Евфрат* и *Нил*, *Мемфис* и *Вавилон!*» [Бунин 2014, т. 1: 223]. Образование таких рядов – результат энциклопедических знаний И. А. Бунина в области мировой географии, истории, философии, и их интерпретация требует соответствующего уровня знаний у читателя. Так, инсулонимы *Суматра* (1) и *Ява* (1) оказываются в сочиненном ряду потому, что именуют острова Малайского архипелага, омываемые Тихим и Индийским океанами; потамонимы *Нил* (16) и *Евфрат* (1) – потому, что именуют самые протяженные реки Африки и Западной Азии, породившие две крупные «речные цивилизации» – древнеегипетскую и шумерскую; а астионимы *Мемфис* (1) и *Вавилон* (2) – потому, что называют крупнейшие религиозные, политические, культурные и ремесленные центры Египта и Месопотамии. Если топонимы *Суматра*, *Ява* в контексте бунинского стихотворения «Огромный, красный, старый пароход...» (1906 г.) участвуют в формировании пространственно-временного континуума поэтического текста, то *Нил*, *Евфрат*, *Мемфис*, *Вавилон* в контексте стихотворения «Ночь» (1901 г.) вместе с различными образными средствами (эпитетами, сравнениями, метафорами и др.) еще становятся инструментом выражения темы вечного и мимолетного, величия древних цивилизаций и их упадка, идеи бесконечности жизненного круговорота.

Субъективным опытом И. А. Бунина обусловлены отношения эмпирических ассоциаций, которые устанавливаются между топонимами и мифотопонимами на основании какого-либо сходства объектов номинации. Например, денотаты инсулонима *Цейлон* (2) в названии стихотворения «Цейлон» 1916 г. и мифохоронима *Эдем* (4) сближаются благодаря признакам «красота» и «первозданность». «Все дико и прекрасно, как в *Эдеме...*», – пишет И. А. Бунин о Цейлоне [Бунин 2014, т. 2: 145]. Так

2017. Электронная версия. URL: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/1942718 (дата обращения: 12.07.2024).

³ В научном издании лирики И. А. Бунина под редакцией Т. М. Двинягиной, по которой цитируется стихотворение 1906 г. «Огромный, красный, старый пароход...», «великий океан» – сочетание апеллятива с зависимой атрибутивной словоформой; а в собрании сочинений 1987 г., подготовленном А. К. Бабореко, «Великий океан» – океаноним, устаревшее именование Тихого океана. Впервые «Великим океаном» назвал Тихий океан французский географ и картограф Ф. Бюаш в 1753 г., однако в мировой географии это имя не получило всеобщего признания. См. подробнее: Поспелов Е. М. Географические названия мира. С. 417–418.

¹ См. подробнее: Акройд П. Венеция. Прекрасный город / пер. с англ. В. Кулагиной-Ярцевой, Н. Кротовской, Г. Шульги. М.: Изд-во О. Морозовой, 2016. 490 с.

² Дворец Дожей // Большая российская энциклопедия, 2004–

топоним и мифотопоним аккумулируют и транслируют идею близкого и одновременно недоступного «земного Рая».

Заключение

Художественный топонимикон Бунина-поэта складывается, с одной стороны, из топонимов, денотатами которых выступают реальные объекты (реальный сектор), с другой – из мифотопонимов, называющих объекты вымышленного мира, структурирующегося человеком по законам реального и воплощающегося в этнических мифах, сказках, многочисленных сюжетах религиозно-философской литературы (мифологический сектор).

Выявленная корреляция достаточно большого объема топонимов в поэтическом бунинском лексиконе и при этом низкой частотности употребления каждой отдельно взятой единицы, полагаем, объясняется совокупностью факторов: эрудированностью И. А. Бунина, его многочисленными поездками по России, путешествиями по Западной Европе, Ближнему Востоку, странам Балтии, фи-

лигранной работой с ономастической лексикой в целом, непрекращающимися поисками нужного имени, становящегося средством выражения творческой индивидуальности.

В лирике И. А. Бунина топонимы связаны разными типами отношений: отношениями сходства и контраста, отношениями «композиционной схемы», соположения и эмпирических ассоциаций. Поэтому в целом бунинский поэтический топонимикон представляет собой не просто совокупность единиц, классифицированных на ряд таксонов по предметно-денотативному признаку, а континуум, характеризующийся, согласно работам А. В. Суперанской, «теснейшей связью собственных имен... друг с другом» [Суперанская 1985: 9]. В таком континууме изолированное существование единиц практически невозможно. Топонимическая непрерывность создается И. А. Буниным реализацией текстуальных и интертекстуальных связей, постоянным взаимодействием экстралингвистического и лингвистического контекстов.

Литература

- Агапкина, Т. А. Имена камней в заговорах восточных славян / Т. А. Агапкина, Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова. – М. : РАН, 2020. – 76 с.
- Болотнова, Н. С. Лексическая структура поэтического текста как ключ к постижению его ценностных смыслов / Н. С. Болотнова // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80, № 1. – С. 20–25.
- Бунин, И. А. Стихотворения : в 2 т. / И. А. Бунин ; вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. – СПб. : Издательство Пушкинского Дома ; Вита Нова, 2014.
- Заборовская, А. А. Безэквивалентная лексика с национально-культурной спецификой значения в творчестве И. А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Заборовская. – Воронеж, 2003. – 24 с.
- Краснова, Т. В. Российская топонимия в художественной прозе И. А. Бунина / Т. В. Краснова. – Воронеж : КОР-Норд, 2005. – 168 с.
- Ло, Сычэнь. Языковая структура микроконцепта ГОРЫ в цикле И. А. Бунина «Тень птицы» (лингвопоэтический аспект) / Ло Сычэнь // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 4. – С. 129–134.
- Мацкевич, С. М. Средства объективации концептуального признака «ПРОСТРАНСТВО» в лирическом цикле И. А. Бунина «Ислам» / С. М. Мацкевич // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2014. – № 6. – С. 63–67.
- Попова, Е. А. Елецкий текст русской литературы: языковая специфика / Е. А. Попова // 80-летие елецкой филологии : материалы Международной научной конференции. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2019. – С. 268–279.
- Потехина, П. С. Топонимическая картина мира Бунина-ориенталиста / П. С. Потехина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 10. – С. 3173–3178.
- Пронченко, С. М. Имена собственные в стихотворениях И. А. Бунина: системный подход (к 145-летию писателя) / С. М. Пронченко // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 260–267.
- Саркисян, О. Б. Концептуальная лексема «Суходол» как компонент авторской языковой картины мира в одноименной повести И. А. Бунина / О. Б. Саркисян, М. А. Дубова // Неофилология. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 276–285.
- Селеменова, О. А. Мифологические имена в поэзии И. А. Бунина / О. А. Селеменова, Н. А. Бородина. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2022. – 172 с.
- Селеменова, О. А. Мифотопонимия И. А. Бунина-художника / О. А. Селеменова, П. С. Потехина // Filologos. – 2023. – № 3 (58). – С. 68–74.
- Смирнов, И. Специфика языка миров Ивана Бунина / И. Смирнов. – Польша, Лодзь : Издательство Лодзинского университета, 2022. – 115 с.
- Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1985. – 182 с.
- Трубицина, Н. А. Художественные онимы в стихотворении И. А. Бунина «Иерусалим» / Н. А. Трубицина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 3 (46). – С. 51–54.
- Фомин, А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы / А. А. Фомин // Вопросы ономастики. – 2004. – № 1. – С. 108–120.

Четверикова, О. В. Гидронимы в поэтической речи Ивана Бунина / О. В. Четверикова, В. Г. Иванова // И. А. Бунин: от века XX к веку XXI : материалы юбилейной всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2018. – С. 275–281.

Четверикова, О. В. Поэзия И. А. Бунина в аспекте когнитивного анализа / О. В. Четверикова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – № 4 (140). – С. 150–152.

References

Agapkina, T. A., Berezovich, E. L., Surikova, O. D. (2020). *Imena kamnei v zagovorakh vostochnykh slavyan* [The Names of Stones in the Conspiracies of the Eastern Slavs]. Moscow, RAN. 76 p.

Bolotnova, N. S. (2019). *Leksicheskaya struktura poeticheskogo teksta kak klyuch k postizheniyu ego tsenostnykh smyslov* [Lexical Structure of the Poetic Text as a Key to the Comprehension of Its Inherent Values]. In *Russkii yazyk v shkole*. Vol. 80. No. 1, pp. 20–25.

Bunin, I. A. (2014). *Stikhotvoreniya: v 2 t.* [Poems, in 2 vols.]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova.

Chetverikova, O. V. (2007). *Poeziya I. A. Bunina v aspekte kognitivnogo analiza* [I. A. Bunin's Poetry in the Aspect of Cognitive Analysis]. In *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. No. 4 (140), pp. 150–152.

Chetverikova, O. V., Ivanova, V. G. (2018). *Gidronimy v poeticheskoi rechi Ivana Bunina* [Hydronyms in the Poetic Speech of Ivan Bunin]. In *I. A. Bunin: ot veka XX k veку XXI: materialy yubileinoi vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii*. Yelets, EGU im. I. A. Bunina, pp. 275–281.

Fomin, A. A. (2004). *Literaturnaya onomastika v Rossii: itogi i perspektivy* [Literary Onomastics in Russia: Results and Prospects]. In *Voprosy onomastiki*. No. 1, pp. 108–120.

Krasnova, T. V. (2005). *Rossiiskaya toponimiya v khudozhestvennoi proze I. A. Bunina* [Russian Toponymy in I. A. Bunin's Prose]. Voronezh, KOR-Nord. 168 p.

Luo, Sichen. (2022). *Yazykovaya struktura mikrokontsepta GORY v tsikle I. A. Bunina «Ten' ptitsy» (lingvopoeticheskii aspekt)* [The Linguistic Structure of the Microconcept of the MOUNTAIN in I. A. Bunin's Cycle "Shadow of the Bird" (Linguopoetic aspect)]. In *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 4, pp. 129–134.

Matskevich, S. M. (2014). *Sredstva ob"ektivatsii kontseptual'nogo priznaka «PROSTRANSTVO» v liricheskom tsiikle I. A. Bunina «Islam»* [Means of Objectification of a Conceptual Sign "Space" in the Lyrical Cycle "Islam" of Ivan Bunin]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. No. 6, pp. 63–67.

Popova, E. A. (2019). *Eletskii tekst russkoi literatury: yazykovaya spetsifika* [Yelets Text of Russian Literature: Language Specificity]. In *80-letie eletskoi filologii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Yelets, EGU im. I. A. Bunina, pp. 268–279.

Potekhina, P. S. (2023). *Toponimicheskaya kartina mira Bunina-orientalists* [Toponymic Worldview of the Orientalist Bunin]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 16. No. 10, pp. 3173–3178.

Pronchenko, S. M. (2015). *Imena sobstvennye v stikhotvoreniiakh I. A. Bunina: sistemnyi podkhod (k 145-letiyu pisatelya)* [Proper Names in I. A. Bunin's Poems: Systematic Approach (to the 145th Anniversary of the Writer)]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 260–267.

Sarkisyan, O. B., Dubova, M. A. (2022). *Kontseptual'naya leksema «Sukhodol» kak komponent avtorskoi yazykovoi kartiny mira v odnoimennoi povesti I. A. Bunina* [The Conceptual Lexeme "Sukhodol" as a Component of the Author's Linguistic World Picture in the Short Novel of the Same Name by I. A. Bunin]. In *Neofilologiya*. Vol. 8. No. 2, pp. 276–285.

Selemeneva, O. A., Borodina, N. A. (2022). *Mifologicheskie imena v poezii I. A. Bunina* [Mythological Names in I. A. Bunin's Poetry]. Yelets, EGU im. I. A. Bunina. 172 p.

Selemeneva, O. A., Potekhina, P. S. (2023). *Mifotoponimiya I. A. Bunina-khudozhnika* [Mithological Toponyms of I. A. Bunin-Artist]. In *Filologos*. No. 3 (58), pp. 68–74.

Smirnov, I. (2022). *Spetsifika yazyka mirov Ivana Bunina* [Specificity of the Language of Ivan Bunin's Worlds]. Poland, Lodz, Izdatel'stvo Lodzinskogo universiteta. 115 p.

Superanskaya, A. V. (1985). *Chto takoe toponimika?* [What is Toponymy?]. Moscow, Nauka. 182 p.

Trubitsina, N. A. (2022). *Khudozhestvennye onimy v stikhotvorenii I. A. Bunina «Ierusalim»* [Artistic Onyms in Bunin's Poem "JERUSALEM"]. In *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*. No. 3 (46), pp. 51–54.

Zaborovskaya, A. A. (2003). *Bezektivvalentnaya leksika s natsional'no-kul'turnoi spetsifikoi znacheniya v tvorchestve I. A. Bunina* [Non-Equivalent Vocabulary with National and Cultural Specificity of Meaning in I. A. Bunin's Works]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh. 24 p.

Данные об авторе

Селеменова Ольга Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Россия).

Адрес: 399770, Россия, г. Елец, ул. Коммунаров, 28.

E-mail: ol.selemeneva2011@yandex.ru.

Author's information

Selemeneva Olga Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Philology and Journalism, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).